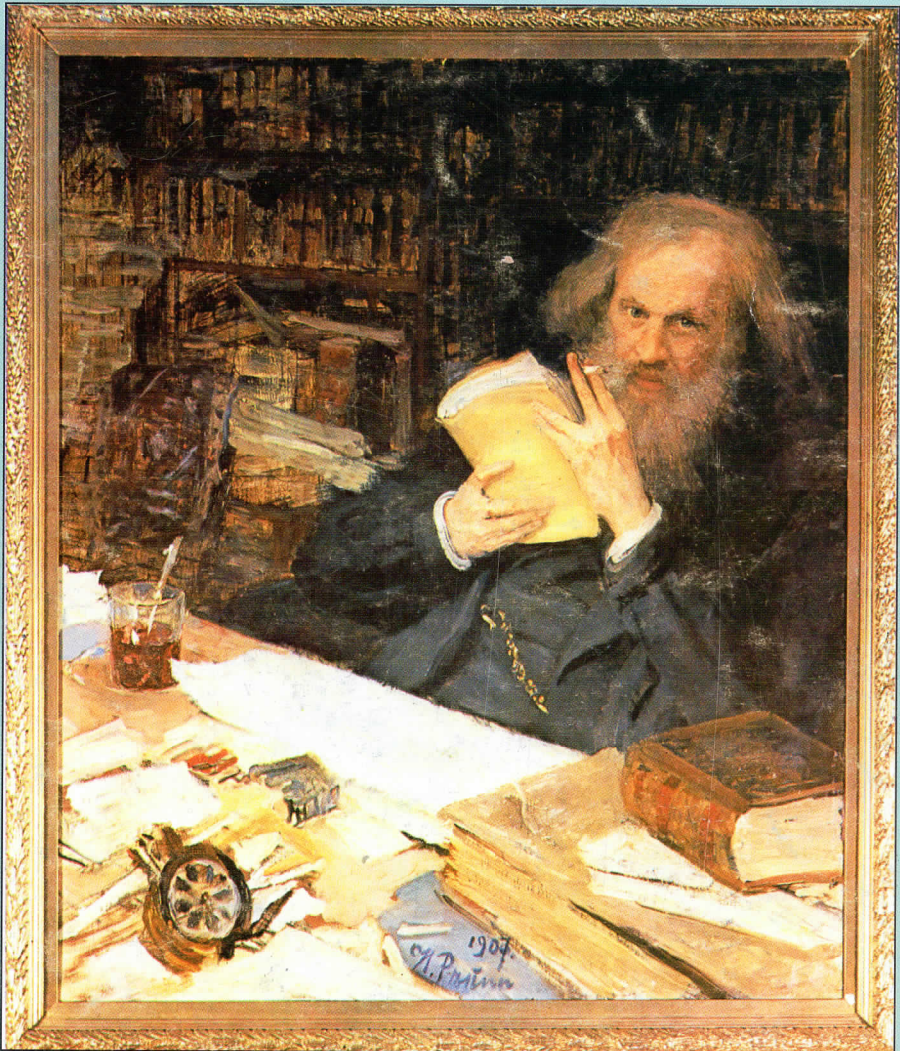

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2004

№ 4

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В НОМЕРЕ:

К 90-летию начала Первой мировой войны

Письма М. Федорова
Г.В. и Р.М. Плехановым.
1914—1917 гг.

Унтер-офицер
А.В. Ефстафьев —
М.В. Нечкиной

Последний год
жизни С.Ю. Витте

Турецкие эмиссары
в России

К 70-летию
со дня рождения
А.А. Леонова

Мастера русской
историографии:
П.А. Зайончковский

Письма Д.И. Менделеева
Николаю II

Дом Плеханова

№ 2262

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПИСЬМА С ФРОНТА

«В войне с Германией ныне пребывание в траншеях – долг каждого гражданина». Письма М.Федорова Г.В. и Р.М. Плехановым. 1914–1917 гг. (Т.И.Филимонова) 3

«Я здесь на фронте в качестве пилота-наблюдателя». Письма унтер-офицера А.В.Ефстафьева М.В.Нечкиной. 1916 г. (Е.Р.Курапова) 47

В ТЫЛУ

Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По дневникам наружного наблюдения. 1914–1915 гг. (З.И.Перегудова) (Продолжение)..... 53

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

Турецкие эмиссары в России. Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. (Т.В.Котюкова)..... 85

РОССИЯ В КОСМОСЕ

За порогом – Вселенная. К 70-летию со дня рождения А.А.Леонова. (Т.А.Головкина, А.Н.Орлов)..... 95

АРХИВ ВОЖДЕЙ

«Принять предложение товарища Сталина». Постановления Совета Министров СССР о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах. 1947–1954 гг. (А.И.Кокурин, Ю.Н.Моруков) (Окончание)..... 115

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Мастера русской историографии: Петр Андреевич Зайончковский (1904–1983) (Л.Г.Захарова, Ф.А.Петров, А.Д.Яновский)..... 137

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

«У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной Думы М.В.Челнокова к графине Е.А.Уваровой. 1903–1912 гг. (Ф.А.Селезнев) (Окончание) 153

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

«Дерзаяо выставляя на Ваше усмотрение плоды моих занятий». Письма Д.И.Менделеева Николаю П. 1897–1901 гг. (М.М.Савченко) (Окончание)..... 184

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

«Если так будет идти земельное дело дальше, то миллионы бедных крестьян останутся без куска насущного хлеба». Прощение Главного губернского саратовского совета Православного всероссийского братского союза русского народа П.А.Столыпину. 1910 г. (Е.М.Михайлова) 216

дочные места. Из всей нашей компании никто не умер, никто серьезно не заболел; только оба наши прежние руководители погибли для нас. Озберга⁶ сделали капитаном и оставили при Орлеанском депо, а Лебедева — лейтенантом, и ожидался здесь, но до сих пор не явился. Озберг, в извинение своего ходатайства перед вешателями из русского посольства, приводил в разговоре со мной два аргумента: старость и семейные нужды. Все это вещи, на кривой взгляд, почтенные, но зачем же до бесчувствия, до припадения к стопам? Вот, поди ты: не знаешь, где найдешь и где потеряешь, хотя найдено пока маловато.

Вчера офицеришка наш подошел на учении к нам, русским, рассказал, что где-то вокруг Бельгии расстреляли около 300 солдат за отказ стрелять в немцев, и при этом добавил, что это — результат влияния «известных» идей. Чего же они хотят?

Мы в местах недавнего сражения: пожарища, могилы, трупы людей и лошадей, снаряды — валяются там и сям. Ночью и днем слышно канонаду сражений около Вердена и Малона⁷. Сегодня проверяли припасы личные, можно ожидать назначения в бой. Приехал вчера из Тулузы командир, полковник Пассар, привез знамя и других парижан. Ангажированных после нас. Если не будет Вам трудно, то пришлите немного денег по адресу: Departement L'Aube, camps Maily, 2 etranger, batallion D, I-re compagnie, Federoff Michel. Лучше телеграфом. Присоединяю воззвание. Я согласился дать свою подпись под ним. На мой взгляд, оно несвоевременно, и его не следует пока афишировать⁸.

Ваш Михаил Федоров

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.14. Л. 1—2.

№ 36

7 февраля 1915 г.

Полулежу в траншее, вокруг меня шумит разношерстная публика, нашего легиона: только что вернулся из дозора, выпили водки, вина; закусили сыром и шоколадом, выкурили и ожили. Сегодня вечером нас сменят другие, мы же кончим свое 4-дневное «лежанье» и пойдем на «отдых», т.е. удалимся от огня в грязную деревню, где наберем новых вшей... Война, что сделаешь; зато пока развеселились: ночь была дьявольская; все время лил холодный дождь, всю ночь стояли *poste de combat*^a, в жидкой грязи и «зорили» немцев, промокли до костей. Каждую ночь ждем атаки, но у немцев что-то не ладится: в день именин кайзера произвели они попытки атаковать нас, но были отбиты. Нет у

^a Напротив абзаца по левому полю сделана приписка: «Зеленский — стойк и переносит больше всех».

^б Адресовано Г.В.Плеханову. Письмо написано химическим карандашом. Сохранился конверт, часть которого была отрезана вместе с маркой.

^в Нести дозор, караул, стоять на часах (фр.).

них духа отваги, хотя техника лучше нашей. Они, например, шли в атаку без ружей, с короткими штыками и гранатами в руках. Дело в том, что взять траншею, если они защищаются храбрыми солдатами, крайне трудно: люди зарыты по голову, пулеметы и ружья развивают страшный огонь; прямо против нас есть сельское кладбище, около него я часто бродил днем (в патруле и самовольно) и видел следы атаки; по видимому, немцы обошли траншею (ныне покинутые) в тыл, но *даже и в этом случае* они оставили в 3 раза больше трупов, чем мы. Теперь у них здесь прямо страшные позиции, и я не знаю, как они возьмут наши. Здесь они отступали и успели выбрать вершину холмистого плато, мы же ютимся в болоте. Все время здесь идет ожесточенный артиллерийский бой, *приносящий крайне мало потерь для нас*, — не знаю, как для них. Только воодушевленное войско и именно с бомбами в руках может прорвать эту тройную цепь траншей. Ночью вся местность освещается летающими светящимися бомбами, и здесь видно различие духа: немцы бросают как-то по-воровски: быстро, сильно светящие и скоро гаснущие; наши же летят высоко, долго и спокойно. И ручные гранаты они первые пустили здесь в ход; вот уже два раза я вызывался охотником на это дело: и все что-то нейдет, а меж тем, по моему глубокому убеждению, нам до тех пор не прорвать линию немецких траншей, пока не пойдет вперед достаточное количество отважных людей с разрывными гранатами в руках.

Кормят нас здесь отлично, одевают тоже хорошо, правда, к нам, русским, здесь недружелюбно относятся, особенно, к «анархистам», но, по правде говоря, огромную долю волонтерского недовольства следует отнести на счет небоевых качеств самих волонтеров⁹. Нет слов, очень трудно воевать, особенно для меня, после пережитых «удовольствий», но здесь вся страна полна лишений: около Верзини (первая наша стоянка) я видел бедных детей, живущих, как звереныши, в землянках. И старшему из них было лет 16-ть. Где же их отец, где их мать? Да, страшно тяжелое дело война. По первоначально мне было куда как круто: разные мысли одолевали, увидишь труп — до самой середины содрогнешься. Моя «история» с судом обязана, в большей степени, душевному расстройству, теперь уж я огрубел и могу «критически» отнести к своим припадкам «сентиментализма». К слову сказать, и мой прежний ротный был недоволен на меня за частые протесты против грубости и воровства. Теперь и то, и другое куда меньше практикуется, чем вначале. Республиканскую группу нашу, в конце концов, разрушили: этот ротный прямо из огня отправил в депо 48 человек с отношением об их «недисциплинированности», но анкета выяснила также многое из темных сторон легиона. В сущности, эти 48 человек никакого «бунта» не произвели, только вышли из себя при виде непрекращающегося грубиянства и зашумели на оскорбившего их сержанта. Теперь мне пишут, что их отправят по 5—10 человек в разные французские полки¹⁰. Что говорить, неприятно переносить грубиянство какого-нибудь африканского разбойника, но сие неизбежно до поры до времени. В некотором отношении это даже полезно: надо же знать этих господ, что состоят на

службе у..., да к тому же они, при всей их неумытости, вынуждены сейчас выполнять прогрессивную роль.

«О войне»¹¹ читаю с большой радостью. Розалия Марковна пишет, что я с энтузиазмом пошел в добровольцы. Ну, знаете, если говорить правду, так придется признать, что Ваше влияние имело большое значение в моем поведении, недаром моя супруга сердита на Вас. Но, как видно, я не настолько истрепался, чтобы идти против истины. Главное сопротивление я встретил именно в том обстоятельстве, что наши родные держиморды идут против отечества Августа Бебеля¹² и Маркса, но «ход вещей»¹³ успокаивает меня: там, на русско-немецкой границе, дело будет не так-то просто, и собачник села Першина (кн. Н[иколай] Н[иколаевич])¹⁴ не будет иметь успеха. Сейчас я читал «Фейербаха» Энгельса и нашел там строки, объясняющие поведение гг. Зюдекумов¹⁵ и К°: «По мере того, как спекуляция, покидая кабинеты ученых, воздвигала себе новый храм на бирже, интеллигентная Германия забывала великий теоретический интерес». Не любил я, грешный человек, этих мастеров говорильного дела и не ждал от них проку, но все же не ожидал от них такой прыти. Я так и уехал из Парижа в уверенности, что немцы¹⁶ не с Вильгельмом¹⁷, потому и взвесься на Рапопорта¹⁸, когда он сказал, что Интернационал разрушен. Но, не беда, «массы учатся на своих ошибках», и скоро немецкие тов[арищи] увидят, в какую бездну заводит их это заблуждение. И не только одни немцы, теперь шведы. Памятуя доброе отношение к ним германцев во время забастовок 1909 года, не дерзают осудить их ошибку; итальянцы думают улучшить свое экономическое положение, пользуясь излишком заказов из-за сокращения производства во враждующих странах, и поэтому пребывают пока в «нейтралитете», но скоро промышленный застой и их толкнет на путь активной политики. Вот это обстоятельство как бы ускользает от внимания вождей: они почти ничего не делают для сплочения пролетарских сил и лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!» как бы забыт ими. Или содрогание широкой силы пролетариата угрожает поколебать также постройки этих людей, и они боятся пролетарского движения? «Доверие» французских т[оварищей] к правящему классу заходит слишком далеко: оно превращается в проповедь духовной слепоты, между тем как другие не зевают. В музее «Карнавал» в Париже висят портреты людей, не боявшихся производить генеральную чистку родных конюшен под огнем стоявшего на границе неприятеля, но то были серьезные люди, тогда как эти преимущественно болтуны. Однако на одном предвыборном собрании в Париже (там были главные вожди — Жорес¹⁹, Бракк²⁰, Гед²¹, Самба²² и др.) я видел людей, похожих на Максимилиана и его друга²³. Да, человечество продолжает хранить в своих недрах могучих новаторов, которые выходят наружу в бурное время и крепкими руками направляют заблудившихся на верный путь. Ах, эти французы! Так богата их история, так много поучительного, так невнимательно они к ней относились, будя по моим впечатлениям в Париже. Дух спекуляции провонял собой даже лучшие его — Парижа — кварталы. Ну, свечка догорает...

Спасибо Вам, дорогой учитель, спасибо от всей души. Я совершенно излечился от прежней хандры, ибо попал на рельсы. Жму руку Вам и Розалии Марковне.

Михаил

Каплет-таки здесь... Зеленский все мается в батальоне «Д», — он был недели 3 в госпитале «по случаю ревматизма». Достается ему здорово. Спрашивал я о нем как-то Кузнецова (ленинца, друга покойного Бриттмана). «Плачет, — говорит, — парень тихими, но горькими слезами». И я понимаю, ведь здесь иной раз ночью, в сырой яме, в тревогу в 2—3 минуты нужно собрать и навьючить на себя добрых 2 пуда, а он «по воле» панталон своих, извините, не умеет добросовестно застегнуть. Гростен был отправлен обратно в Орлеан, и ныне его местопребывание неизвестно. Экк — помните такого бородача на rue Tolbiac (он же — ленинец Мухин), был в одном шалаше с Бриттманом, когда прилетел немецкий Мармит, убивший Бриттмана и Богущко, и в силу чего он немного тронулся умом, и теперь где-то что[-то] караулит в качестве инвалида; Озберг, кажется, получил роту. В деле нашей группы он, подобно древнему Зевсу, укрылся в тучи. Но мне в моем процессе помог изрядно²⁴, хотя был, что называется en train^a дать мне убийственный совет, которому я, конечно, не последовал.

Здоровы ли Вы? Изредка мне попадают творения Мартова и других пустомель²⁵; ну, от этой братии отпетый какого ждать добра? Скучновато мне здесь: не с кем душу отвести в разговоре. Доброго здоровья.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.16. Л. 1—3.

№ 46

18 октября 1915 г.

Дорогой и уважаемый товарищ!

Сегодня вечером мы снова и снова пойдем в атаку, и, быть может, в последний раз мне захотелось горячо пожать Вам руку. Многих из нас уже нет в живых. Ушел недавно Виктор Зеленский, показавший себя человеком великого духа. В своем последнем письме он говорил мне, что вокруг него творится нечто подавляющее, и что он ждет своей очереди все-таки спокойно. Через несколько дней его не стало.

Многие искалечены, и скольких еще сравниют с землей г[оспода] пангерманисты? Меня они еще не достигли; оглушали, отравляли, засыпали землей, швыряли во все стороны, но все еще держусь, хоть и трясет-таки порядочно.

^a С целью наладить дело (фр.).

^б Адресовано Г.В.Плеханову. Письмо написано химическим карандашом на почтовой открытке.

стал одним из единомышленников Плеханова, участвовал в издании газеты «Призыв». В декабре 1916 г. вошел в состав сотрудников газеты «Русская воля». В 1920 г. эмигрировал во Францию. В Национальном архиве Франции сохранилось письмо Г.А.Алексинского министру внутренних дел страны, в котором он предлагал план подрывной деятельности против Советской России.

³ Герой романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

⁴ Строфа из драмы В.Шекспира «Юлий Цезарь».

⁵ *Владимиров Лев* (Владимиров М.К., Л.В., Лева, Фрэд; наст. фамилия *Шейнфинкель М.К.*) (1879–1925) — социал-демократ, большевик. В качестве представителя парижской группы большевиков-партийцев входил в состав редколлегии газеты «За партию», выходившей в 1914 г.

⁶ *Озберг (Осберг)* — один из организаторов Республиканской группы волонтеров.

⁷ Вероятно, имеется в виду г. Мелён (департамент Сена и Марна). В начале сентября французские войска перешли в контрнаступление по линии Париж-Верден и в ходе Марнского сражения отнесли германские войска за реки Эну и Уазу. В дальнейшей кампании 1914 г. противники не сумели достичь значительных успехов, и с конца года до сентября 1915 г. на территории от Швейцарии до Северного моря установился позиционный фронт, где германские войска фактически держали оборону. Основные удары (военные и дипломатические) в 1915 г. Германия стремилась нанести России.

⁸ Не ясно, какой документ имеется в виду. Возваний и обращений, относящихся к этому времени, в фонде Г.В.Плеханова обнаружить не удалось. Но это могло быть и одно из не сохранившихся или ликвидированных военной цензурой заявлений русских волонтеров относительно ситуации, сложившейся в Иностранном легионе.

⁹ Вот как вспоминает Л.А.Крестовская жизнь одного из отряда волонтеров, отправленных для обучения перед отправкой на фронт в Блуа: «Надо сказать, что частичная вина во всем происходившем ложится и на самих волонтеров. По приходе в Блуа, как я уже говорила, они были разделены на две категории [по состоянию здоровья, уровню образования, социальному статусу не годных к строевой службе волонтеров, а также немцев и австрийских поляков — Крестовская, С. 46–47 — публ.], из которых одна, отделенная в Halles [крытый рынок — фр.], была по преимуществу реформирована еще до ухода на фронт. Лень, пьянство, кражи, разврат, очень несчастые, но бывшие, факты дезертирства — все это вооружало французов, смешивавших всех волонтеров в своей оценке воедино. Бесконечные раздоры происходили на почве столкновений русских с австрийскими поляками, турецкими евреями и румынами. Эти последние завели довольно нечистоплотную торговлю, набирали белье из краденых у солдат пакетов и продавали за бешеные деньги. [...] Воровство стало явлением повседневным — вещи исчезали из солдатских мюзеток [провиантский мешок у солдата — фр.], карманов, с самого человека, когда он спал.

Но все это, повторяю, относится к тем, кого сами французы отделили как заведомо низший элемент, и кто в громадном большинстве случаев, не пошел на фронт» (Крестовская Л.А. Указ. соч. С. 51).

¹⁰ Автор ссылается на *впервые* получивший огласку инцидент, который повлек за собой некоторые действия французского военного командования по оздоровлению ситуации в Иностранном легионе. Однако эти меры, будучи поспешными, а потому непродуманными и непоследовательными, не сумели предотвратить трагедии, разыгравшейся несколько месяцев спустя. Письмо

М.Федорова, раскрывающее трагические события лета–осени 1915 г., где он упоминает и об этом происшествии (без ссылки на лицо, которому документ был адресован), приведено в книге Л.А.Крестовской «Из истории русского волонтерского движения во Франции» в качестве одного из приложений (С. 131–137). См. также: Филимонова Т.И. «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение» (Из переписки А.И.Любимова и Г.В.Плеханова. 1914–1918 гг.) // Исторический архив. 1998. № 2. С. 149–168; № 3. С. 106–143. Приведем полностью текст этого письма М.Федорова:

«Вот как происходило печальное событие в батальоне 2-го Иностранного полка. Командующий состав этого полка был набран почти весь, за самым ничтожным исключением, из старых легионеров, служивших в Марокко и др. колониях и пришедших во Францию сражаться с немцами по их желанию.

Они все являются тоже как бы волонтерами здесь на фронте, т.к. они просили быть приравненными сюда.

Но каждый из них обязан и в мирное время, а также и во время войны отбыть 5 лет в легионе.

Весьма многие из них провели куда больший срок времени в походах против непокорных арабских и других племен, в гарнизонах среди завоеванных областей.

Факт их добровольного вступления в легион до такой степени стирается их последующей службой и в их собственном представлении, что в сфере военного дела они видят как единственную, способную обеспечить целостность войска силу, исключительно в принуждении.

И уже одно то обстоятельство, что этот принцип принудительности был ими противопоставлен доброй воле волонтеров, записавшихся здесь во Франции на время войны, явилось достаточным основанием, на котором возникали все трения между ними и их подчиненными. С первого же дня их прибытия из Марокко «святая союз» и его принцип были отодвинуты на второй план системой слепого подчинения и казарменного принуждения.

Принесшие свои сердца волонтеры Парижа и др. городов Франции были глубоко оскорблены, когда, подчиняясь духу слепой бездушной системы, их наставники военные стали им говорить: "ты пришел сюда по расчету личному, ты хочешь есть паек".

Были, конечно, среди нас и такие лица, которых судьба толкнула в волонтерство из-за панического страха перед завтрашним днем, когда война грозила экономическим расстройством и отсутствием заработка. Не эти люди составляли основу наших обрядов, не их дух владывал нашими умами. Наоборот, эти колеблющиеся подверглись большому влиянию со стороны тех, кто знал и хотел подчинять интерес личный потребности общественной. Но... влияние, принесенное легионерами из колонии, дух корысти, подкрепленный авторитетом военных, вступило в борьбу с моральным авторитетом лучшей части волонтеров и нашло себе подходящий для обработки материал среди шатких умов. Началась полоса морального испытания. В *derots* образовались большие группы лиц, напуганных приближающимся часом ухода туда, на новую гору величайших страданий человечества, на фронт, и они стали искать всякой возможности, чтобы реформироваться и остаться позади.

То же большинство волонтеров, которых не обескуражило влияние легионеров, и которые с радостью ушли в траншеи, даже и там продолжало жить под игм разьединения борцов на два лагеря: старых командующих легионеров и молодых волонтеров, которых на первых порах рассматривали как простое пушечное мясо.

Мы хорошо понимали, что особым доверием не можем пользоваться у французских военных властей, как сбор, происходящих из всех почти стран вплоть до турецких болгарских и немецких, что среди массы волонтеров могли быть и прямые военные шпионы, но не менее хорошо мы понимали, что против частного зла, против шпионажа неуместно употреблять меры общего характера и распространять дух недоверия даже и на тех, кто хотел умереть за Францию. А что таких было большинство среди нас, показывает последующая славная история битв иностранного легиона здесь во Франции.

Кроме того, на почве бессилия солдат в области их внутреннего управления, выросли и их соответствующие плоды; так, наиболее скандальный процесс г-на Дюкло, осужденного со своей дамой сердца за расхищение солдатской пищи, ближе всего касался именно той части, где находился Иностраннный легион, и эта пара расхитителей оперировала в том городе, где находился штаб нашей дивизии. В самом же нашем полку все хозяйственные операции производились "старыми" легионерами, и волонтеров в ту область упорно не пускали, за исключением тех лиц, которые неспособны были вынести сору из избы. Никакой гласности, отчетности перед солдатами не полагалось, как это водится вообще в армии.

Находившаяся в полном неведении масса волонтеров, расстроенная к тому же и тяжестью лишений на фронте и специфическим отношением к ней ее командиров, была склонна видеть большую обиду даже в тех случаях, когда по милости какого-нибудь случайного пьяницы-артельщика приходилось пить чересчур водянистое вино или неполную порцию водки.

Но все переносилось относительно спокойно; недовольство выливалось лишь в форму заявлений, просьб, жалоб в письмах к родным, поисках возможности уйти с фронта со стороны одиночек до тех пор, пока была сильна боевая репутация старых легионеров, когда масса волонтеров продолжала смотреть на своих специфических командиров, как военных наставников, пример которых и в действительности будет очень важен в грядущих боях с немцами. И как только те, кто пришел на фронт, как воин, увидели, что в боевом отношении легионеры оставляют-таки кое-что желать, что, в особенности те из них, которые прославились пренебрежительным отношением к волонтерам, сами не много стоят как бойцы, как сейчас же стало наступать время более резких столкновений.

Не только личные обиды становились уже стимулом для этих протестов, но и, главным образом, необходимость их стала диктоваться сознанием того обстоятельства, что поставленные командирами старые солдаты не могут, быть может, к их огорчению, быстро приспособиться к условиям новой войны, не умеют уловить психологии противника, не способны вести людей и, благодаря этому, могут только ослабить силу нашего сопротивления немцам.

Мы, конечно, понимали и знали, что есть и среди командного состава легиона люди вдумчивые, талантливые и храбрые солдаты, каким был, например, наш прежний взводный Шпель, но система бездушной казармы продолжала еще свирепствовать среди нас, поддерживаемая большинством легионеров, и она мешала развитию даже и тех лучших боевых качеств, которые все-таки были у его сторонников.

Тем из нас, которые спорили с другими товарищами и говорили, что надо просить иной раз старым легионерам, искалеченным долгой служебной лямкой, т.к. они все же хорошие борцы и храбрые солдаты, становилось все труднее улаживать споры.

К тому же большинство одной из очень влиятельных групп Парижских волонтеров было отправлено назад своим ротным командиром еще в первые месяцы траншей с отзывом о них, как о плохих недисциплинированных солдатах.

Что это были за люди достаточно ясно из того, что среди них были покойные Слетов и Давыдов.

Чтобы покончить с характеристикой того состояния, в котором находились волонтеры, я упомяну еще о том, что даже испытывавший суровую жизнь в Африке легионер Каковский, — русский из Одессы, — выстрелил в себя после словесного оскорбления одним офицером, а другой волонтер, сын многострадального армянского народа, дорогой Назарьян, спит навеки возле одной полуразрушенной церкви на фронте, заставив самовольно перестать биться свое много страдавшее сердце...

Ко всему привыкает человек. Попривыкли и мы к своему сидению перед К., где провели зиму с 14 на 15-ый год, только порой выстрел Назарьяна, Каковского и др. нет, нет, да и даст знать, “что в царстве датском что-то гнило” [авторская аллюзия на строфу из трагедии Шекспира «Гамлет» - публ.].

И вот весной 1915 года нам объявляют о походе. Ожили, зашевелились, заволновались, проснулись надежды: ждали увидиться лицом к лицу с врагом, а вместе с этим встряхнулись и другие чувства. Батальон “С”, где я был, считался лучшим в полку. И в нем действительно было нам неплохо. Нас, русских, соединили всех в один взвод и были к нам очень внимательны; наш капитан и лейтенант Шапель жили с нами дружно. Последнего же мы прямо полюбили и всегда с глубоким уважением относились к этому другу-офицеру. Но, на беду нашу, этого друга произвели в капитаны и перевели в другой батальон, нам же прислали на его место одного, который первым же долгом заявил себя рукоприкладством.

Наконец, мы покинули надоевший нам сектор.

По прибытии в Шампань мы пробыли немного времени в траншеях. Ходили слухи, что мы пойдем в бой. Людей нашей секции заставили сделать одну разведку, во время которой были допущены ошибки и, может быть, слабость.

Капитан был готов дать отзыв о людях, как о недостаточно выдержанных солдатах, но участники разведки запротестовали, указав, что здесь имела место нераспорядительность руководителя, и, скорее, неопытность солдат, нежели их робость, т.к. они все же подошли в этой местности к немецким траншеям ближе, чем кто-либо другой. Отзыв был изменен, но обиженные поняли, что командиры, не сумевшие сделать ни хорошего подбора людей, ни правильной организации предприятия, хотели свалить вину за неудачу на плечи тех, кто и до той поры был козлом отпущения в Легионе — на волонтеров.

Вскоре нам сказали, что из Шампани нас увезут на старое место, где и оставят надолго. Для нас это было равносильно плохому отзыву. И действительно, спустя немного нас сняли из траншей и увезли. По дороге старые легионеры стали смеяться над волонтерами. Дело дошло до рукопашной, в которой победителями оказались волонтеры.

Среди нас нашлось несколько горячих и слишком глубоко почувствовавших личную обиду голов, задумавших требовать перехода из легиона в другую часть.

Действительно было тяжело и душно. В одной из деревень у фронта 11 человек сделали попытку отказаться идти в траншеи с легионерами и вызвать русского военного агташе. Все же их удалось уговорить, да и сами они, будучи хорошими товарищами, не захотели оставаться позади в то время, как полк пойдет под огонь, но часть опоздала из-за них к сбору на 15 минут.

Два дня спустя они были осуждены все на 5 лет публичных работ и были отосланы в Африку. К слову сказать, через три месяца их вернули, по их просьбе, на фронт, но на Балканах, где один из них, Владимир Блаубок (Примечание автора. Блаубок — латыш, моряк, юноша 20 лет. В Оскуде исполнял должность куховара. 16 сентября 16 года отправился снести пищу в линии перед деревней

Петарак, в 12 верстах от Флорины. Линия была не сплошная. В промежутках между стрельбой ее можно было проходить. Траншей не было, вместо них были какие-то дырки. Блаубок сбился с пути и дошел до, по-видимому, проволочных заграждений неприятеля. Ночью началась перестрелка. Глуньяк стоял часовым в *petit poste* [городская почта фр.]. Он стал всматриваться в темноту, прислушиваясь к выстрелам. Вдруг, прямо перед ним вырисовалась фигура, бежавшая с неприятельских линий. Глуньяк выстрелил. Человек упал. Глуньяк выстрелил снова; на рассвете пошел искать убитого, думая, что это был болгарин. На земле лежал убитый наповал Блаубок. Смерть, видимо, была моментальной. Это было 20 сентября 1916 г.) пал смертью героя.

В той же деревне, где их судили, находились под стражей несколько человек из батальона "F". Я помню Шапиро, так как мне пришлось быть в это время в казарме.

Заинтересованный, я спросил одного из товарищей, за что арестованы эти люди. Это был простой волонтер: "Они не хотят оставаться в траншеях, придирются к каждому слову и ссорятся с легионерами, требуя перевода в другую часть". Товарищи из батальона "F" жаловались и раньше на очень многое, на тяжелый труд, на специфическое обращение, на плохую пищу. Но в интересах истины я должен сказать, что лично я не мог бы назвать Шапиро страдающим. Да и сами другие заключенные говорили: "Нас думали наказать, но мы сидим здесь в подвале, в то время как вас немцы поливают свинцом в траншеях". Пусть будет вся правда.

После суда над 11-ю нас повезли обратно в Шампань. Казалось, что дурное впечатление о нас, как о плохих борцах, должно было рассеяться. Но, к огромному сожалению, даже близость общего врага, который, правда, сидел пока спокойно, не была достаточна для заглушения¹⁰ волонтерских обид. По прибытии в Шампань, в одной из деревень два волонтера, Кононов и Каск, подвыпили вина и вступили в пререкания с легионерами. Начальник сторожевой службы приказал отвести этих двух в кардигардию [помещение для несения караульной службы — фр.]. Караул в деревне держался самим же батальоном "F", и среди караульных были, конечно, которые, увидав арестованных, стали протестовать и присоединились к Кононову и Каску.

Начальник караула был вынужден требовать подкрепления из роты, но и среди прибывших оказались новые протестанты: так, Адамчевский и Копадин, не желая "усмирять", бросили ружья и зашли к арестованным. Говорят, что начальник караула и прибывший из роты офицер били каблуком по голове лежавших на полу Кононова и Адамчевского. На приказ офицера волонтерам избивать арестованных, первые ответили таким волнением, что возникло опасение вооруженного столкновения. Тогда были вызваны жандармы. Это было в походе. Продолжая свой путь, батальон пришел в деревню Пруи, где русский взвод послал Николаева и Петрова вести переговоры с военным начальством и уладить дело, но, при этом, уступая требованию волнующихся товарищей, делегаты должны были заявить капитану, что люди хотят немедленного освобождения товарищей, наказания виновных в их истязаниях и перевода из легиона.

К сожалению, горячие головы слишком страстно добивались уйти с фронта, где был легион, и арестованные настаивали на скором ответе, что приняло характер мотивированного возмущения. Военное начальство ответило по военному: силе мятежа оно противопоставило силу оружия и изолировало 27 человек, предложив Николаеву и Петрову отделиться от тех, кто подлежал обвинению в бунте перед лицом врага, но оба они остались в этой группе. Был суд. 22-го июня 1915 года были расстреляны в 3 часа утра на ферме *Lenternay* Петров, Николаев, Полле, Дыкман, Брудэж, Шапиро, Эльфанд, Артамашин и Тимоксян.

Передают, что приводившие в исполнение приговор солдаты очень сильно колебались вначале, пока не было получено строжайшее подтверждение; что душевные мучения этих солдат были крайне велики и вынудили одного из них покончить самоубийством; что овладевшее волнение помешало командовавшему офицеру дать последний револьверный, в ухо, — "выстрел милости", казненным. "Мятежники" показали себя последовательными до конца. Они кричали: "Да здравствует союз Франции и России! Долой легион!" Все они умерли солдатами, и только один Шапиро позволил завязать себе глаза.

Остальные их товарищи по этому крайне печальному и не своевременному процессу, осуждены на публичные работы:

Кононов, Колодин, Кашкиян, Келиджиан, Яждриан, Эльнасиан, Клесимович, Вембориан, Сараджиан и Лифшиц — на 10 лет и на 5 лет: Каск, Киреев, Левинсон, Еффе, Гульбрузиан, Портнер и Закрутко.

Давая эти сведения, я обязан прибавить следующее. Было бы в высшей степени вредно для всякого честного русского человека думать, что наши несчастья в легионе явились результатом халатного отношения к нам французского народа. Нет, даже и в минуты страшной опасности для них, французы лучше кого-либо другого умеют быть и вдумчивы, и великодушны. Об этом знаем мы, те, кому пришлось, уйдя из легиона, жить среди французских солдат. Разговаривая с покойным Блаубоком и другими, я убеждал их относиться немного хладнокровнее к их личным обидам, когда на свете так много общего горя. "Подождите", — говорил я, — "наши обидчики осрамятся в бою и тогда нам будет легко устранить их. И те из них, у кого под твердой оболочкой солдата бьется горячее сердце, а в голове живут благородные мысли, будет самым лучшим нашим боевым товарищем, если останемся в траншеях, несмотря ни на что, и тем докажем, что мы, прежде всего, защитники Франции и свободы. Мы пришли сюда добровольно и уходить не должны не только из-за оскорблений, но и даже под угрозой смерти". И я был прав. Теперь в легионе, после целого ряда славных битв, все изменилось, теперь нет лучших друзей и в бою, и в отдыхе, как часть старых легионеров. Дух системы остался прежний, что и во всей войске, но дух войны борется с ним. *Je deteste la guerre: elle gâte les armées* [«Я не люблю войну, она портит армию» — фр.], — говорил один важный человек; мы же обязаны сказать иначе.

Интересы молодой России властно требуют укрепления союза с Францией, и поэтому я закончу в голос с казненными: "Да здравствует союз России и Франции!", добавив: "Да здравствует легион, много сделавший против общего врага, против германского империализма!".

Материал этот может быть употребляем для печати при одном условии: не изменять и не удалять ни одного слова.

21-го ноября 1916 года. Париж. *Михаил Федоров*.

¹¹ Имеется в виду статья Г.В.Плеханова «О войне. Ответ товарищу З.П.», завершенная им 27 октября (н. ст.) 1914 г. и выпущенная в виде брошюры. Подробнее о ее появлении и содержании см.: Филимонова Т.И... // Исторический архив. 1998. № 2. С.149–168; С.Г.Кара-Мурза. Г.В.Плеханов и Февральская революция (Публ. Т.И.Филимоновой) // К 75-летию Дома Плеханова. Сб. статей и публикаций. Материалы конференции. СПб., 2003. С. 207–238.

Статья Плеханова «О войне» вплоть до последних дней перед ее появлением в печати рассматривалась как «гласный» ответ одного из видных деятелей российской и международной социал-демократии болгарскому социалисту З.Петрову. Однако ей суждено было стать философским и политическим обоснованием борьбы тех общественных сил, которые, ясно представляя причины развязанной Германией и ее пособниками агрессии (и *возможные*, в случае по-

беды, *последствия*), призвали своих союзников вести войну до полной капитуляции интервентов и последующей *демилитаризации* и *демократизации* этих государств.

Брошюра появилась после событий, которые уже в первые дни войны *подтвердили шовинистический и варварский* характер действий германской армии, циничное попрание ею международного права. Акты вандализма и одичания были продемонстрированы армией народа, который устами видных деятелей национальной культуры, науки и политики заявил об *особой культурнической миссии в Европе и мире*. «...из Европы надо создать одно организованное целое. Для этого должен быть создан особый центральный орган; и таким мозгом Европы может быть только Германия, ибо она одна лишь обладает секретом организаторской культуры» // Чего ждет Германия от войны: Беседы с германскими общественными деятелями. СПб., 1915. С. 102–103.

В готовности объединиться и вести борьбу Плеханов видел проявление социальной зрелости граждан, их способности *отстаивать* свое *право* и право других людей на независимое существование от чьих бы то ни было покушений, исполнять *обязанность* каждого народа «разоблачать дипломатические интриги правительств и направлять свои усилия к тому, чтобы в международных отношениях господствовали “простые законы нравственности и права”. Обрушаться со всю силою своего мнения на правительства, в данное время нарушающие эти простые законы», преследующие «династические или империалистические цели: завоевание новых рынков, колоний и т.п.» (Плеханов Г.В. О войне. Paris, 1914. С. 14). Ссылаясь на Канта, Плеханов напоминает, что главным направлением *культурного* прогресса человечества является *сближение народов*, благодаря которому будет навсегда покончено с войнами, и народы всей планеты объединятся в мирном союзе.

В тех случаях, когда эгоистические устремления индивидов или обществ *нарушают мир*, писал Кант, обязанностью тех, чьи права оказались погрязшими, становится «заставить друг друга подчиняться принудительным законам и таким образом осуществить состояние мира» (Кант И. К вечному миру // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 286).

¹² *Бебель Август* (1820–1912) – деятель германской социал-демократии, один из основателей партии, ее представитель во II Интернационале. В Доме Плеханова хранятся письма А.Бебеля Г.В.Плеханову (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 141).

¹³ Здесь автор письма берет в кавычки часто употреблявшееся Г.В.Плехановым выражение (синоним понятия «историческое развитие, исторический процесс»).

¹⁴ *Николай Николаевич (Младший)* (1856–1944) – великий князь, генерал от кавалерии, с начала Первой мировой войны и до 23 августа (5 сентября) 1915 г. являлся Верховным главнокомандующим русской армии.

¹⁵ *Зюдекум Альберт* (1871–1944) – немецкий социал-демократ, один из лидеров партии. С 1910 по 1918 г. – депутат рейхстага. В годы Первой мировой войны занимал наиболее жесткие шовинистические позиции, отрицал виновность Германии в вопросе развязывания войны и противодействовал складывавшейся в партии оппозиции. Имя Зюдекума, как и имена двух других членов рейхстага, руководителей правого крыла немецкой социал-демократической партии, *Филиппа Шейдемана* (1865–1939) и *Георга Ледебура* (1850–1947), в годы войны употреблялось в собирательном значении, олицетворяя собой агрессивный национализм.

¹⁶ Автор имеет в виду членов и руководство немецкой социал-демократической партии. Вопреки собственной прежней позиции, а также договоренностям, достигнутым в ходе не раз обсуждавшегося на конгрессах II Интернационала военного вопроса, немецкие социал-демократы не только поддержали агрессию, но и заявили о том, что участие в ней является патриотическим долгом германского народа.

¹⁷ Имеется в виду *Вильгельм II (Гогенцоллерн)* (1859–1941) – германский император и король Пруссии в 1889–1918 гг.

¹⁸ *Рапопорт Х. Л. Шарль* (1865–1940) – народоволец, социал-демократ, член Французской социалистической партии, член редакции журнала «Le Socialisme». Принимал активное участие в деятельности парижской группы партийцев. Сохранилась переписка Рапопорта и Г.В.Плеханова в архиве Международного института социальной истории и архиве Г.В.Плеханова в Доме Плеханова, которая относится к периоду 1903–1912 гг. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 625). В годы войны Рапопорт занимал «интернационалистскую» позицию.

¹⁹ *Жорес Жан* (1859–1914) – деятель международного социалистического движения, основатель Французской социалистической партии, организатор и редактор газеты «L'Humanité». Убит за несколько дней до начала Первой мировой войны.

²⁰ *Бракк (Александр-Мари Деруссо, 1861–1955)* – один из руководителей Французской социалистической партии, один из редакторов газеты «L'Humanité», член палаты депутатов Национального собрания Франции. В годы Первой мировой войны выступал за необходимость отражения германской агрессии.

²¹ *Гед Жюль* (1845–1922) – деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны, один из основателей Французской социалистической партии, член редколлегии журнала «Le Socialisme». С началом Первой мировой войны вошел в состав правительства. Близкий друг семьи Плехановых.

²² *Самба Марсель* (1862–1922) – один из лидеров Французской социалистической партии, с 1893 г. ее представитель в палате депутатов. В августе 1914 г. в качестве министра вошел в состав правительства национальной обороны Франции.

²³ Имеются в виду деятели Великой французской революции (1789–1794) Максимилиен Робеспьер и Жан Поль Марат.

Робеспьер Максимилиен Мари Изидор (1758–1794) – адвокат, президент Арраской академии наук и искусств, один из авторов якобинской конституции 1793 г., депутат Конвента. Погиб в результате термидорианского переворота.

Марат Жан Поль (1743–1793) – ученый, публицист, один из наиболее ярких деятелей Великой французской революции, издатель и редактор газеты «Друг народа» («Газеты Французской республики»), депутат Конвента. Марат пользовался широкой популярностью народа за умение твердо отстаивать интересы его беднейших слоев. Убит противниками якобинцев.

²⁴ Рассказ о событиях, которые упоминает М.Федоров, дополняет приводимое ниже письмо А.Осберга Г.В. и Р.М. Плехановым от 5 января 1915 г.: «Дорогие Роза Марковна и Георгий Валентинович. Только что получил Ваше заказное письмо от 22 дек[абря] и спешу ответить. Михаил был оправдан по суду, цел и невредим, переведен в другую роту и чувствует себя теперь, кажется, недурно. Должен признаться, что была минута, когда я почти потерял надежду на благополучный исход дела. Он был обвинен в abandon du poste en presence de l'ennem'ee [покинуть пост в присутствии врага, дезертировать (фр.)], за что по

213 ст[атье] *peine de mort* [смертный приговор (фр.)]. И по закону никаких смягчающих обстоятельств не полагается: да или нет. Расстрел или оправдание. Когда я получил дело в качестве защитника, то в моем распоряжении было не более 24 часов, чтобы разобраться в обстановке этого дела. Не надеясь исключительно на свои силы и, желая испробовать все возможное, чтобы спасти Михаила, я послал две телеграммы. Одну Геду, другую полковнику Ознобишину (русск[ому] военному атташе). И вот сегодня как раз узнаю, что ни одна из телеграмм не была отправлена. Я еще не мог видеть то лицо, которому была поручена отправка этих телеграмм, и поэтому не знаю, почему именно они были задержаны.

Представитель правительства, обвинитель, прямо заявил мне, что дело бесспорное, и что Федоров будет расстрелян в пример прочим, так как бросил пост и был застигнут с вещами, которые похитил в одном из покинутых домов. Обвинение, по моему убеждению, несправедливое, но, увы, с внешней стороны, дело имело печальный вид, так как Михаил был действительно застигнут вблизи одного разрушенного дома, отстоящего на сто – сто пятьдесят метров от поста, и с вещами (несколько предметов из белья и т.п.) за бортом шинели. Я не буду вдаваться в подробности дела, так как это длинно и теперь не нужно, но скажу только, что, ознакомившись с делом подробно, побывав на месте происшествия, я пришел к убеждению, что Михаил не виноват в том, в чем его обвиняют; и в этом духе я вел защиту, хотя меня пугали, что такая точка совершенно недопустима и может повлечь за собой только одно – расстрел. Но я не чувствовал себя вправе признать справедливость обвинения, так как сам Михаил его не признавал, обвинения позорящего. Удалось установить на суде путем опроса его ближайших начальников (из солдат, так как ротн[ый] к[омандир] и офицер были свидетелями обвинения), что Михаил был всегда хорошим солдатом, вызывавшимся выполнять наиболее опасные поручения, неоднократно рисковал жизнью для дела.

Не знаю точно, в силу каких причин, но в последнюю минуту Михаил был оправдан и отделался арестом с переводом в другую роту.

Можете себе представить, как мы все облегченно вздохнули, когда этот кошмар миновал.

Михаил был спасен от ужасной участи.

Некоторые утверждают, что это благодаря только мне. Но я думаю, что это неверно. Моя защита сыграла лишь второстепенную роль. Главными же причинами оправдания были, по-видимому, соображения более общего характера, которые взяли верх над несомненным желанием некоторой части офицеров «показать пример».

Дело это совпало как раз с периодом вообще резкого ухудшения в отношениях между нашей группой «республиканцев» и начальством. Тов[арищ] Лебедев, который был ранен и уехал лечиться, до известной степени сглаживал шероховатости. Хотя может недостаточно внимательно и тактично (не умышленно, конечно). И с его отъездом случаи *indiscipline* [недисциплинированности (фр.)] имели место одно за другим, и один коллективный. Начальство забило тревогу. Меня немедленно перевели в эту роту, чтобы действовать на моих соотечественников. Но я сразу увидел, что дело зашло уже довольно далеко. Тут два раза произошла смена командира полка. И я думаю, что не обошлось без интриги со стороны клерикальных офицеров, чтобы представить дело в более темном свете, чем оно было на самом деле. Одним словом, было решено часть русской группы отправить в дело под предлогом, что они недоучены и мало дисциплинированы. Мне кажется, что если бы французское начальство отнеслось с большим вниманием к особенностям психологии этих людей, то дело не приняло бы

этого оборота. Хотя не знаю, можно ли вменять им это в обязанность, и не вправе ли они глядеть на каждого волонтера, «республиканец» он или нет, просто как на солдата (или, вернее, как на скотину, из которой надо сделать солдата).

Во всяком случае, человек 15 осталось и, очевидно, им удалось приспособиться к обстановке и выработать из себя хороших солдат, которыми французы не нахвалятся. А я думаю, что и все бы могли быть таковыми, только при условии более внимательного отношения к ним со стороны начальства. Эти сорок два человека были действительно вскоре после дела Михаила отправлены в Орлеан. Насколько мне известно, их положение там недурное, говорят, что будто их хотели направить в Марокко, но, я думаю, там публика усиленно хлопочет, чтобы избежать этой участи.

Мое положение лично оставляет желать лучшего. Вот уже два месяца, как я на фронте, командования до сих пор не получил, хотя лишения и опасности дело со всеми. Правда, закон, в этом случае, не за меня. Всякий французский капрал имеет преимущество передо мной, и я все время лишний. Но все-таки они могли бы быть любезнее к офицеру союзной армии и дать мне то или другое *emploi* [работу, должность (фр.)].

Брошюру Георгия Валентиновича мы здесь имеем. Читали также и отчет о Лозаннском реферате. Привет товарищам передам. Из наших здесь теперь: Ми[хаил] Федоров, Виктор (случайно остался, т[ак] к[ак] был в госпитале во время этой истории и потом вернулся) и я. Потом есть несколько с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Потери убитыми: Попов (он же Антонов, против которого сражался Алексинский), Богушко (его Вы не знали), Крикун (наш Аркадий) Корицкий пропал без вести, Оникко — тяжело ранен и еще несколько раненых, в общем — 10 человек (из них 4 убито).

Мой адрес следующий:

Mr. le capitain Osberg,
2 regiment etranger
B[atallion D (en campagne)
Secteur postal № 6.

Насчет жизни в траншеях скажу одно: временами ничего, но временами скверно, и чем дальше, тем хуже.

На этом заканчиваю письмо с пожеланием всего лучшего и в надежде на лучшие дни. А. Осберг» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 576. В. 314. Л. 1—3).

Под Лозаннскими рефератами А. Осберг имеет в виду выступления 28 сентября (11 октября) 1914 г. в Лозанне Г. В. Плеханова с докладом «Об отношении социалистов к войне» и В. И. Ленина, который принял участие в прениях. Изложение доклада Плеханова и речи Ленина были опубликованы корреспондентом газеты «Голос» (№№ 31—33, 18, 20, 21 октября 1914 г.), подписавшимся инициалами И. К. (Иван Киселев?). См. также: Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 24—32; Ленинский сборник. Т. XIV. С. 124—131; Кентавр. 1992. Сентябрь — октябрь. С. 143—158.

Газета «Голос» («Наш голос») — орган меньшевиков-интернационалистов, выходил под редакцией Мартова в 1914 — 1915 гг. в Париже.

Оникко Федот — депутат I Государственной думы. Один из волонтеров «Республиканского отряда».

Мартов (Цедербаум Ю. О.) (1873—1923) — участник российского революционного движения, с 1903 г. один из лидеров меньшевизма.

²⁵ Публичные выступления Плеханова в Париже и Лозанне, его интервью влиятельным газетам и журналам, появление брошюры «О войне» вызвали бурю

возмущения среди тех, кто требовал немедленной ликвидации войны. Сторонники В.И.Ленина призвали международный пролетариат превратить войну империалистическую в гражданскую с целью социалистического переустройства мира. С критикой «шовинистической» позиции Плеханова выступили видные деятели РСДРП: В.И.Ленин, А.В.Луначарский, Н.Н.Суханов, Ф.И.Дан и целый ряд других. Первые статьи Мартова, направленные против Плеханова и его единомышленников, с которыми мог быть знаком Федоров, появились в газете «Голос» в октябре–ноябре 1914 г.: «А Маркса оставьте в покое!», «Война и Плеханов», «К позиции английских социалистов», «Срываюют!» и др.

²⁶ *Бурьянов А.Ф.* (1880–?) — социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Таврической губернии. Весной 1914 г., стремясь содействовать укреплению думской социал-демократической фракции, разделенной на меньшевиков и большевиков, вышел из состава первой, позволив, таким образом, их уравнивать численно. Парижская группа меньшевиков-партийцев, Г.В.Плеханов оказывали содействие и помощь А.Ф.Бурьянову в его деятельности в Думе.

М.Федоров имеет в виду приводимое ниже письмо Г.В.Плеханова А.Ф.Бурьянову от 21 июля (нового стиля) 1915 г. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 21. Л. 1–2. См. также: *Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг.* М., 1996. С. 375):

«Дорогой товарищ Бурьянов.

Пишу Вам это письмо, не будучи уверен в том, что оно застанет Вас в Петербурге. Если не застанет, то я надеюсь, что его Вам перешлют.

Дело вот в чем.

Приближается созыв Госуд[арственной] Думы. Обстоятельства, при которых она будет созвана, не только исключительные, но прямо *критические!* Можно прямо сказать, что наша русская земля не была в таком опасном положении со времени Смуты начала семнадцатого века. Она должна напрячь все свои силы для своей самозащиты, и было бы крайне печально, если бы наши единомышленники помешали делу самообороны русского народа каким-нибудь необдуманным шагом. Если Германии удастся накинуть аркан на шею России, то от этого прежде всего пострадает русский пролетариат и вообще вся русская трудящаяся масса. Ввиду этого, становится совершенно ясным, что Вы и Ваши товарищи, социал-демократические депутаты в Гос[ударственной] Думе, просто-напросто не можете голосовать *против* военных кредитов. Сделайте свои оговорки, — они необходимы — но *голосуйте за кредиты*. Голосование *против* кредитов было бы *изменной (по отношению к народу)*, а *воздержание* от голосования было бы *трусостью*; голосуйте — *за!* Прочтите это письмо мое тов. Чхеидзе и скажите ему, что я заклинаю его всем для него святым отнестись внимательно к этому моему письму.

Я слышал, он собирается вступить или уже вступил в комитет содействия обороне. Если это правда, то скажите ему, что я горячо приветствую этот шаг и, в таком случае, Вам я тоже советую последовать примеру Чхеидзе. Простите, что я даю этот совет, когда Вы не просите у меня *никаких* советов. Ну, да ведь время теперь исключительное. Помните, дорогой товарищ, что в настоящее время *нельзя* быть *против* народной самообороны. Надеюсь, что вы напишете мне: "Мы это и без вас знаем". Как я буду рад, получив от вас такой окрик! Он докажет мне, что мои товарищи поняли современное положение. Прошу Вас, если Вы согласны со мною, то, переговорив с товарищами-депутатами, телеграфируйте мне «*Soyez tranquille!*» (Будьте покойны! — фр.).

Может, французские слова неразборчивы. Пишу еще раз: «*Soyez tranquille!*».

Жму руку. Ваш Г.Плеханов».